

БЫТ

РЕЛИГИЯ

КУЛЬТУРА

ВАРВАРЫ

Малькольм Тодд

Варвары. Древние германцы.

Быт, религия, культура

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=607605

Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура / Пер. с англ.

Н.Ю. Чехонадской.: Центрполиграф; Москва; 2005

ISBN 5-9524-1493-1

Аннотация

Автор этой книги попытался реконструировать социальную структуру и повседневную жизнь варваров на основе обобщающих выводов археологов, наблюдений искусствоведов и лингвистов. Рассматривается промежуток времени от II в. до н. э., когда цивилизованные народы впервые обратили внимание на варваров, до периода Великого Переселения народов IV–VI веков н. э.

Содержание

Введение	4
Глава 1	7
Появление германцев	7
Археология и германские народы	14
Германцы и кельты	19
Германцы и их восточные соседи	21
Германцы и Рим	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Тодд Малькольм Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура

Посвящается Кейт и Ричарду

Введение

Историк, который пытается описать образ жизни древних германцев, обязан с самого начала четко определить, кого же он понимает под древними германцами. Мои древние германцы – это люди, которые обитали в Северо-Западной Европе за рубежами Римской империи и позднее преобразили западные провинции этой империи, расселившись там. В этой книге я старался избежать обилия дат, однако в целом мой рассказ охватывает промежуток времени от II в. до н. э., когда цивилизованные народы впервые по-настоящему обратили внимание на германцев, и до периода Великого переселения народов в IV, V и VI вв. н. э. С географической точки зрения мы имеем дело с весьма обширной территорией: область, где мы впервые встречаем германцев, – это Се-

веро-германская равнина с большими долинами Эльбы и Везера, Ютландский полуостров, который занимает Дания, и южные Норвегия и Швеция. К VI столетию потомки этих народов проникли практически во все уголки Европы, а некоторые отважные смельчаки забрались и в более отдаленные пределы.

Сейчас за пределами Германии и Скандинавии мало кто знаком с культурой германцев до эпохи Великого переселения народов. Если кто-то и слышал о франках, аламаннах и готах, то эти названия кажутся нам такими же экзотическими, как какие-нибудь масаи или майя. Это печально, хотя совсем не удивительно. Германцы, так же как кельты и славяне, никогда не выпадали из поля зрения историков, чтобы потом оказаться вновь эффектным образом открытыми, как шумеры и хеттготовы. По крайней мере, с эпохи Возрождения германец был знакомой фигурой. Однако, как правило, внимание обращалось только на один аспект его жизни. Германец всегда появлялся на границах римского мира в качестве воина – противника Рима. Такая точка зрения на ранних германцев господствовала еще в XIX в., и понадобится немало времени, прежде чем она уйдет в прошлое. Даже современным германцам вплоть до начала XX столетия казалось, что их предки-варвары стояли в стороне от поступательного движения мировой истории. Викторианцы думали примерно то же самое о древних бриттах (которые теперь, в свою очередь, стали вымирающей расой). Как и древним бриттам, древним

германцам пришлось ждать археологов XX в., которые обозначили их истинное место в истории человечества.

У каждой книги есть свой «уклон». У этой их даже два. Во-первых, она была написана с точки зрения человека, находящегося внутри Римской империи. Я думаю, что это неизбежно, потому что почти все письменные источники, рассказывающие о древних германцах, – греческие и римские. Во-вторых, я использовал в гораздо большей степени данные археологии, чем литературные данные. Сегодня археология признана жизненно важным источником информации не только о культуре германских народов, но также и об их древней истории. Однако в практике привлечения археологических данных, даже в том, что касается повседневной жизни, есть существенные ограничения. С первого взгляда может показаться, что археология дает очень много, но на самом деле существует и множество аспектов, которые археология никогда не сможет раскрыть... Археология бесписьменных народов много говорит нам об их поселениях, домах, домашней утвари, о том, чем они питались, как воевали, об их погребениях и, в ограниченной степени, об их представлениях о сверхъестественном. На этих аспектах я в основном и сосредоточился.

Глава 1

Мир древних германцев

Появление германцев

Первые сообщения о варварских народах на далеком севере Европы стали доходить до Средиземноморья в конце VI и V вв. до н. э. Мы знаем, что у древнейших греческих авторов были кое-какие сведения о Северной Европе. Правда, Гекатей в VI в. и Геродот в V о германцах не упоминают, для этих писателей северные варвары делились на кельтов на северо-западе и скифов на северо-востоке. Отдельные упоминания о народах, которые много позже были признаны германскими, начинают встречаться с IV в. до н. э. В первой половине этого столетия Пифей, греческий купец из Массилии (современный Марсель), совершил прославившее его путешествие на северо-запад, в ходе которого он обогнул Британию. Пифей также узнал кое-что о прибрежных районах северной Германии, поскольку он упоминает тевтонов – германское племя, жившее в Дании, которое три столетия спустя обрушилось на Римскую империю и вызвало первое крупное столкновение между римскими легионами и германскими воинами. Очевидно, что многие более поздние

писатели заимствовали сведения из рассказа Пифея, и возможно, что он записал многое о континентальной Германии. К сожалению, ничего из этих записей до нас не дошло.

Великое вторжение народов, называвших себя кимврами и тевтонами, в Южную Европу в конце II в. до н. э. впервые заставило римлян осознать мощь северных народов и ту угрозу, которую они представляли для северных границ Рима. К несчастью, хотя мы и можем составить себе четкое представление о ходе этого короткого, но жестокого нашествия, у нас нет никаких свидетельств того времени о культуре и нравах агрессоров. Однако даже сам сюжет этой истории выглядит захватывающе. Кимвры и тевтоны начали массовое переселение со своей северной родины на юг. Это был не просто военный набег: варвары везли с собой в телегах жен и детей. Может быть, их заставило отправиться в путь обширное наступление на их земли моря, которое, наверное, закончилось страшным наводнением, таким, как наводнение октября 1634 г., радикально изменившее береговую линию Фрисландии (провинция Нидерландов. – *Ред.*) и ее островов.

Сначала дорога привела переселенцев в Богемию, а потом – на территорию современной Югославии. Вслед за тем они повернули на запад, и, поскольку теперь они направлялись к северным границам Италии, римская армия двинулась на перехват. Римляне потерпели сокрушительное поражение в Норее, близ современной Любляны, а германцы продолжали свой путь на запад. Обойдя стороной Италию,

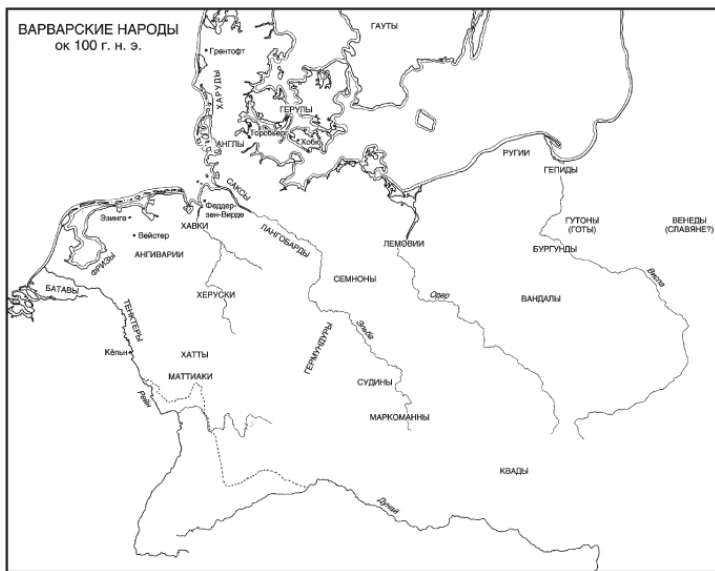
к 110 г. до н. э. они дошли до восточной Франции, надеясь поселиться близ римской границы, охватывавшей тогда нынешний Прованс. Снова начался бой, и опять римские легионеры были посрамлены. После дальнейшего путешествия на север по долине Роны кимвры и тевтоны разгромили еще одну римскую армию у Оранжа. Чтобы победить варваров, потребовался один из величайших полководцев Рима и масштабная реформа армии. Все эти блуждания варварской орды наряду с тем, что во вторжении участвовали целые семьи, видимо, означают, что кимвры и тевтоны искали новую землю для поселения. Действительно, по меньшей мере однажды они просили римлян предоставить им территорию, однако те ответили отказом. Таким образом, варвары отнюдь не пытались с ходу атаковать римские провинции.

Эта драматическая встреча севера и юга обострила интерес греко-римских авторов к северным варварам. Греческий писатель Посидоний, творивший в первой половине I в. до н. э., создал ныне утраченное повествование о вторжении кимвров и тевтонов, которое было широко использовано в позднейших компиляциях. Он был первым, кто отделил германцев, как особый варварский народ, от кельтов и скифов. В последние годы жизни Посидония произошло второе масштабное столкновение Рима с германцами – речь идет о кампаниях Юлия Цезаря в восточной Франции против орды германцев под предводительством Ариовиста, намеревавшихся осесть в понравившейся местности. Цезарь

не только сам описал эти кампании, он также дал очерк социальной организации и обычаев германцев. Хотя очерк в некоторой степени, возможно, и основан на рассказах таких людей, как Посидоний, у Цезаря сложился личный опыт общения с людьми, проживавшими на обоих берегах среднего Рейна. Однако следует помнить, что Цезарь отнюдь не был в первую очередь беспристрастным этнографом. Он стремился к высшей политической власти, а в качестве историков такие люди опасны. Естественно, в своих «Записках» Цезарь с самой лучшей стороны показал собственные достижения, изображая при этом германцев дикими и неукротимыми врагами римского государства. Подчеркивая дикость и могущество германских воинов, он ясно давал понять, какую службу сослужил Риму, остановив их вторжение в Галлию.

Цезарь был первым, хотя и не последним римским автором, который называл германцев полными дикарями – *feri*. Галлов можно было цивилизовать контактом с Римом, а германцы оставались *feri*. Цезарь особо подчеркивает различия между галлами и германцами. Он представляет Рейн как великую границу между Галлией и Германией, признавая при этом, впрочем, что в былые времена некоторые племена переправлялись через Рейн из Германии и селились в северной Галлии. То, на чем Цезарь так настаивал, – что Рейн является четкой границей между кельтскими и германскими народами, теперь считается пропагандистской выдумкой Цезаря. Народы, которые жили к востоку от среднего Рейна, никак

нельзя было назвать ни чистокровными кельтами, ни чистокровными германцами, хотя их материальная культура была в большей степени кельтской, чем германской. К этому мы еще вернемся.

После Цезаря римская армия в течение почти сорока лет не пересекала Рейн (теперь ставший северной границей Рима в Западной Европе) с захватническими целями. Затем, примерно с 12 г. до н. э. по 9 г. н. э., император Август организовал серию кампаний, намереваясь провести границу к северо-востоку от долины Рейна, возможно по Эльбе.

Это великое сражение выиграли варвары. Римские армии вынуждены были отступить на западный берег Рейна, и большое наступление римской державы за Рейн и Дунай было прекращено. После возобновления контакта с обитателями областей к востоку от Рейна римляне начали приобретать новые сведения о германцах. В результате торговых отношений варвары севера стали гораздо ближе к Риму, и писатели I в. н. э., особенно Плиний Старший, постепенно знакомили с ними римскую публику. Почти в конце столетия, в 98 г. н. э., появилась одна из первых работ историка Тацита – короткий трактат о германской земле и ее обитателях. «Германия», как обычно называют эту работу, была написана на злобу дня, но в то же время это был самый детальный рассказ о германских учреждениях и обычаях, и это единственная подобная монография, посвященная варварскому народу, которая дошла от античности до наших дней. Ученые эпохи Ренессанса называли «Германию» «золотой книгой», и она таковой и является. Тацит не был лично знаком с народами, которые он описывал, однако наблюдения римских офицеров и воинов дали ему информацию, которая не зависела от Посидония и Цезаря, и при этом, разумеется, не была устаревшей. Это наш основной источник по ранним германцам.

После яркого света, который пролила на Германию «Германия» Тацита, наступили настоящие «темные века». Вплоть до IV в. дошедшие до нас литературные труды прак-

тически не говорят о германцах ничего достойного внимания. Поскольку в отмеченный период происходили широко-масштабные переселения и перегруппировки народов, для нас это невосполнимая утрата. Во II в. римляне установили искусственную границу, чтобы связать долину среднего Рейна с Дунаем близ Регенсбурга. Эта граница, которую обычно называют лимесом Верхней Германии и Реции по римским провинциям Верхняя Германия и Реция, которые она опоясывала, простояла только до 260 г. Потом она рухнула под давлением варваров: это была первая римская граница в Западной Европе, которая не выдержала их напора.

Археология и германские народы

Археология является богатым и постоянно растущимместилищем информации о ранних германцах. Для многих регионов варварской Европы это еще и единственный источник. Сто лет назад мы могли бы сказать, что весь вклад археологии в изучение варваров ограничивается лишь впечатляющими находками из богатых погребений и вотивных¹ приношений в торфяных болотах. Теперь в этой области появился целый набор техник полевых и лабораторных исследований, которые можно применять в изучении большинства аспектов деятельности древних людей.

Во-первых, что же выявилось в свете, который археология бросает на проблему происхождения германцев? Эта тематика имеет собственную, достаточно сомнительную историю, особенно в Третьем рейхе. Однако теперь возможно изучать проблему в более спокойной обстановке.

Более или менее стабильная сельскохозяйственная экономика появилась на юге Скандинавии и в северной Германии примерно в начале 3-го тысячелетия до н. э. Культуры неолита заменили мезолитических охотников и собирателей. Что именно вызвало это радикальное изменение в способе хозяйства – вопрос спорный. Возможно, сельское хозяйство при-

¹ Вотивный (от лат. «вотум» – «обет») – принесенный в дар божеству по обету. (Здесь и далее примеч. пер.)

несли на север новые поселенцы с юга и юго-востока. Далее, в позднем неолите и в начале бронзового века, были и другие проникновения в те же самые области, в результате чего возникла особая культура бронзового века, основанная на многоотраслевом сельском хозяйстве. С тех пор и до самого римского периода нет данных о каких-либо существенных перерывах в культурной традиции. Типы поселений, формы погребений и стиль керамики продолжали существовать, практически не подвергаясь заметным влияниям извне. Создается впечатление, что население первоначальной Германии в основном оставалось на своих местах. Подобную же картину дает и анализ скелетов с кладбищ, относящихся к этому длительному периоду.

Все это согласуется с рассказом Тацита о происхождении германцев: «Что касается германцев, то я склонен считать их исконными жителями этой страны, лишь в самой ничтожной мере смешавшимися с прибывшими к ним другими народами и теми переселенцами, которым они оказали гостеприимство». И также: «Сам я присоединяюсь к мнению тех, кто полагает, что населяющие Германию племена, никогда не подвергавшиеся смешению через браки с какими-либо иноплеменниками, искони составляют особый, сохранивший изначальную чистоту и лишь на себя самого похожий народ». Видимо, после того, как в периоде неолита произошло слияние различных этнических элементов, так оно действительно и было.

Археологические данные о различных группах германцев являются еще более спорными. Археологи потратили массу времени и чернил, пытаясь определить то, что они называют «культурами», то есть комплексы похожих металлических и керамических изделий, форм поселений, типов домов и других общих культурных черт. Как правило, можно видеть, что носители таких культур заселяли определенные области, и в прошлом археологи зачастую поддавались искушению отождествить эти «культурные провинции» с определенными народами или племенами. Что касается германцев, то в начале XX в. это отождествление археологических культур с племенными группами, упомянутыми у римских писателей, было доведено поистине до крайних пределов крупным немецким ученым Густавом Коссинной и его учениками. Со взглядами Коссинны никто не соглашался безоговорочно, однако оказалось, что их очень трудно искоренить полностью. На самом деле доказать тождество культурной провинции и определенной группы населения в железном веке Северной Европы практически невозможно, и сейчас археологи предпочитают не касаться проблемы этнического аспекта археологических данных. Когда археолог выделяет культуры, он в первую очередь делает это для того, чтобы получить удобную схему классификации данных.

По археологии ранних германцев существует огромная литература, и было бы слишком смело пытаться обобщить эти данные в одной книге, и более того – в нескольких абза-

цах. Достаточно лишь упомянуть об основных областях расселения германцев. Археологи выделяют четыре основные группы поселений: североморская группа в южной Скандинавии и на северном побережье Европы; западная группа между Рейном и Зале и от Везера до Майна; приэльбская группа, занимающая бассейн Эльбы и простирающаяся к востоку до Одера, и, наконец, восточная группа между Одером и Вислой. Что представляли собой эти группы, сказать трудно, но они не были племенными союзами. Скорее всего, это были группы племен, которых объединял обмен предметами материальной культуры. Рискованно было бы пытаться выделить в этих группах племена, упомянутые Тацитом и другими авторами, однако следующая классификация не будет слишком далека от истины. В североморскую группу входили хавки, фризы и многие более мелкие племена, жившие к северу от Эльбы, к которым Птолемей причислял и саксов. Западная группа включала в себя многие племена, знакомые римской пограничной администрации: хаттов, херусков, бруктеров и тенктеров. Среди германцев на Эльбе были семноны, лангобарды (ломбарды), гермундуры и маркоманы – до того, как они переселились в Богемию. Представители восточной группы – бургунды, ругии, вандалы и готы – не слишком хорошо отражены в литературе.

Археология не только дает нам сведения о культурных и торговых взаимоотношениях между различными племенами Германии: она еще и оказывает нам неоценимую услугу, по-

казывая материальное положение народа. Как мы увидим далее (когда будем говорить о поселениях), раскопки середины XX в. заложили твердую основу для критики утверждений древних писателей; возникли даже точки зрения, противоречащие этим утверждениям. Было получено огромное количество информации о различных типах поселений, типах домов и домашней утвари, технических достижениях, и прежде всего – об экономических условиях. Вспомогательные работы биологов позволили нам узнать больше о домашних животных древних германцев, а палеоботаники, изучая остатки растений и пыльцы, помогли составить представление об окружающей среде того времени. Таким образом, год от года наше представление об условиях жизни в древности становится все более четким и ясным.

Германцы и кельты

Как никто из древних авторов, именно археология ясно показывает нам существование тесных контактов между германскими народами и кельтами. Они проявлялись не столько в области торговли, сколько в широких культурных связях между Центральной и Северной Европой: в сходстве обычных, для повседневного использования, металлических изделий, брошей, булавок и бритв, а также керамики. Поэтому очевидно, что в течение нескольких столетий до и после Рождества Христова между кельтами и германцами нельзя было провести четкой границы. Античные авторы, такие, как Цезарь и Тацит, существенно затушевали этот факт, настаивая на том, что Рейн якобы является культурной границей между кельтами на западе и германцами на востоке. То, что такое деление неверно, показывают не только археологические данные, но также и данные личных имен и географических названий. Люди, которые жили к востоку от Рейна и между долинами Майна на юге и Везера на севере, подвергались существенному влиянию кельтской культуры, хотя сами они кельтами не были. Но не были они – во время Цезаря и Тацита – и германцами. Их происхождение неясно; возможно, они представляли собой старые группы племен, которым удалось устоять перед движением на запад германской культуры в конце бронзового и начале железного века.

Кельтское влияние на германскую материальную культуру особенно очевидно в сфере вооружения. Щиты, мечи и наконечники копий на севере с I в. до н. э. зачастую происходят от кельтских типов. В этих регионах встречается и много оружия кельтского производства. Это влияние было результатом войны и торговли между кельтами и германцами. Кельтское влияние очевидно и в других областях, особенно в обработке металлов. Многие из наиболее замечательных образцов кельтского ремесла были обнаружены именно в Германии. Наиболее поразительные предметы были найдены в Дании: две богато украшенные колесницы из Деберга (Ютландия), серебряный котел из Гундеструпа (Химмерланд) и гигантский бронзовый котел из Бро (Ютландия). По любым стандартам это – великолепные изделия, и они представляют собой самое замечательное из того, что германцы заимствовали у кельтов.

Германцы и их восточные соседи

Германцы контактировали и со своими восточными соседями. Еще до Рождества Христова славяне начали двигаться на запад из восточной Польши, таким образом они вошли в контакт с готами и другими восточными германцами. О материальной культуре славян до того, как они осели на сегодняшних славянских территориях, известно немного. С юго-востока пришли степные кочевники-сарматы, которые начали расселяться по Причерноморью примерно с 200 г. до н. э. Область их расселения протянулась оттуда до Днепра и далее – в сегодняшние Румынию и Польшу. К III в. н. э. этот регион стал удивительным тиглем, где сплавливались культуры различных народов: греков, даков, сарматов, славян и готов. К северо-востоку от германцев жили балты восточной Пруссии, Польши и западной России. Этот регион контактировал с Римской империей и германцами. Часто исследователи не обращают внимания на балтов как на отдельную группу. Хотя в какой-то степени на них и влияли восточные германцы, их культурное развитие не зависело от соседей. Обо всех этих восточных варварах античные писатели сообщают очень мало и касаются нашей темы только в этом пункте. Однако следует помнить о том, что восточные германцы соприкасались с кочевыми и полукочевыми народами степей и что они должны были почувствовать на себе первый удар

от их миграций.

Именно оттуда пришло самое разрушительное нашествие. В 376 г. римские офицеры в гарнизонах на Дунае получили информацию о том, что среди готских племен на севере происходят из ряда вон выходящие по своему масштабу и охвату территорий беспорядки. Судя по всему, все племена причерноморского побережья пришли в волнение. Ходили слухи, что на них напал какой-то страшный народ с востока. Слухи о волнениях среди варваров были обычным делом, и римские гарнизоны сначала никак не отреагировали на новую волну тревоги. Однако вскоре на берега Дуная стали прибывать группы беженцев-германцев. Количество беженцев росло и росло, и, наконец, целые полчища готов собрались на границах империи.

Варвары, которые напали на готов, оказались гуннами. Еще чуть меньше века гуннам предстояло терроризировать почти всю Европу, однако даже за такое сравнительно короткое время они успели запомниться навеки своей дикой жестокостью. Гунны не были германцами, но, поскольку их история тесно связана с историей готов и других германцев, их нельзя насильно исключить из нашего рассказа – точно так же, как было нельзя и выгнать их с земель римлян и готов.

Гунны вошли в контакт с готами примерно в 370 г. н. э. До этого времени их родиной были степи южной России, где они, в полной нищете и суровых условиях, вели кочевую жизнь. Как ни странно, мы практически не знаем о них ни-

чего определенного до того момента, когда они напали на готов. Их происхождение неизвестно. Древнеримские авторы мало что могли сказать об этих кочевниках такого, что сейчас можно воспринимать серьезно. Среди готов ходила легенда, что гунны – отродье ведьм и злых духов (неудивительно, если вспомнить, что готам пришлось от них пережить). Возможно, гунны контактировали с народами Дальнего Востока. Китайские летописи часто упоминают народ под названием «сюнну», и некоторые ученые полагают, что это и были гунны. Гуннов, как и всех кочевников, очень трудно «выследить», используя обычные методы археологии. Кочевники практически не оставляют после себя поселений, а зачастую – и четко различимых погребений. Они могут использовать очень мало изделий из металла и керамики, и даже эти изделия зачастую приобретаются у других народов. Все, что мы о них знаем, идет от римских писателей, а археология мало чем здесь может помочь.

Гунны жили скотоводством; дополнительные продукты давала им охота и собирательство. Их экономика позволяла им выживать, но не более того. С раннего детства они привыкали к тому, что голод и жажда – это часть жизни. Возможно, какое-то количество продуктов они получали путем обмена с оседлыми сельскохозяйственными народами. Одежда, которую носили гунны, говорит об уровне их техники: это были льняные ткани и сшитые шкуры животных, эксплуатируемые до тех пор, пока не разваливались на кусочки.

Как и все степные кочевники, гунны были великолепными наездниками; римлянам казалось, что они живут в седле. «Они даже не могут твердо стоять ногами не земле, они живут и спят на лошадях», – утверждал Зосим. Поразительное кавалерийское искусство гуннов дополнялось умелым владением луком. Все вместе, эти данные обеспечивали им успех в борьбе с римскими и германскими армиями пехотинцев. Некоторые воины носили не только луки, но и мечи, а иные ловко пользовались сетью или лассо. Несмотря на крайнюю бедность и примитивную экономику, гунны представляли собой страшную военную угрозу для всех народов, с которыми они сталкивались на западе. Даже их внешний вид шел им в зачет. Римляне считали, что на гуннов и смотреть-то противно: непонятно, говорили они, люди это или звери.

У кочевников не было королей: во время войны ими правили вожди. Как они достигали такого высокого положения, мы не знаем, но, возможно, отвага на поле боя давала им власть. В мирное время воины и семейные люди не слишком различались между собой. Все мужчины принимали участие в бесконечной работе: следили за стадами и искали для них свежие пастбища.

Хотя у гуннов и не было королей, среди них появлялись могущественные полководцы. Самым знаменитым и удачливым полководцем был Атила, который вместе со своим братом Бледой пришел к власти в 433 г. К этому времени гун-

ны стали господами германских племен, которые занимали область между Альпами и Балтийским морем и от Рейна до Каспийского моря. Их армии состояли не только из гуннов, но и из подчиненных народов, которых увлекла гуннская волна: аланов, гепидов, славян и готов. Из своей ставки, которая находилась на территории современной Венгрии, Атилла, затмивший и, в конце концов, отстранивший от власти своего брата, угрожал Восточной Римской империи со столицей в Константинополе и Западной, центром которой была Италия. После 440 г. разразилась буря. Атилла устроил настоящую бойню на римской границе на среднем Дунае, разрушая города и крепости, и опустошил север Греции. Более амбициозная схема завоеваний начала осуществляться в 451 г., когда гунны пересекли Рейн и двинулись к Орлеану. Близ Труа гунны потерпели первое крупное поражение от объединенных сил римлян и визиготов. Эта битва стала поворотным пунктом. Тем не менее, в следующем году Атилла начал вторжение в северную Италию, захватил Аквилею и другие крепости. Однако он вынашивал еще более амбициозные планы: он хотел идти на Рим. Приход римских подкреплений с Востока, эпидемия среди самих гуннов и – бич большинства варварских армий – голод помешали ему это сделать. В 453 г., в разгар приготовлений к походу на Константинополь, Атилла умер. После него великая империя, которую он создал, уже не смогла возродиться. Гунны и их подданные начали уходить из великой конфедерации.

И что было еще хуже для гуннов, после 460 г. из степей вышли другие дикие орды кочевников. Банды гуннов продолжали угонять скот своих соседей и грабить их поселения, но теперь были только обломками необыкновенной империи.

Германцы и Рим

Отношения между германцами и Римом складывались отнюдь не в историю бесконечных конфликтов и разрушений. Германцы и римляне встречались не только на поле боя. Уже на самых ранних этапах строительства своей империи римляне поняли, что иметь в соседях союзные племена – гораздо более надежная гарантия безопасности провинций, чем обеспечивать военное присутствие на самих рубежах. На германской границе всегда ощущалась потребность в мощных военных гарнизонах, однако, как и на других территориях, римляне возлагали надежды также и на племена, которые вступали в союзнические взаимоотношения с Римом. Например, фризы на севере Нидерландов после первых столкновений с Римом в конечном счете утихомирились, и начался период долгого мирного сосуществования с правительством империи, принесший, помимо прочего, немалую материальную выгоду. Одно из ответвлений свевов – свевы-никреты – с одобрения римлян поселились на плодородной земле долины Неккара, таким образом надолго образовав эффективный барьер против менее послушных варваров на востоке.

В последующие столетия германцы играли еще более активную роль в защите границ, как воины регулярных подразделений римской армии. Группы варваров служили как

федераты (foederati): они получали землю в обмен на обязанность нести военную службу в той области, где их селили. Римляне надеялись, что если варвары будут иметь свою долю от плодов этой земли, то это заставит их защищать ее от внешних нападений. Такие группы федератов часто оказывались эффективными, особенно когда они представляли собой отряд, сплотившийся вокруг энергичного вождя. При этом целые племена или народы под командованием своих племенных лидеров терпели неудачи в деле защиты границ. В регулярной армии варвары служили не только рядовыми солдатами. Напротив, из офицеров высшего ранга, из армейских командиров поздней империи многие были германского происхождения.

В период ранней империи многие германские вожди отслужили в римской армии до того, как добились могущества среди своего собственного народа. В некоторых случаях этим людям удалось осуществить значительные перемены в политической и социальной структуре отдельных народов. Как мы увидим в следующей главе, самым интересным из таких вот возвратившихся «эмигрантов» был властитель маркоманнов Маробод, и только лишь перечисление других показывает, сколь много германцы почерпнули на римской службе: Арминий, победитель злополучного, оказавшегося совсем не на своем месте полководца Квинтилия Вара, Ганнаск, который успешно грабил галльский берег в I в. н. э., Крупториг, который руководил восстанием фризов, и, нако-

нец, Юлий Цивилис, который стал душой крупного восстания батавов в 69–70 гг. н. э.

В области торговли и коммерции германцы и римляне также были знакомы друг с другом достаточно хорошо. Уже ко времени вторжения Цезаря в Галлию римских торговцев влекла за Рейн перспектива коммерческой выгоды. Свевы – конфедерация племен, обитавших в долине Эльбы, – пускали к себе торговцев, но скорее для того, чтобы распродать излишки военной добычи, чем чтобы покупать предметы роскоши, привезенные с юга. Действительно, в эпоху Цезаря они недвусмысленно запретили ввоз вина на свою территорию, считая, что оно ослабит их энергию и выносливость. Однако не все германцы были столь суровы. Уже в I в. до н. э. в домах богатых варваров появились римские предметы роскоши, в том числе и вино. Тогда, как и позднее, изящные сосуды из серебра, а иногда и из золота пересекали границы и в конце концов оказывались в гробницах вождей.

Такая могила, раскопанная в Хобю на датском острове Лоланн, является наиболее ранним и выдающимся примером подобного погребения. В могиле был обнаружен скелет мужчины средних лет и свиные ножки – доля вождя в варварском мире, а также великолепный столовый сервиз из импортных металлических сосудов. Самые великолепные из них – это пара серебряных чаш, украшенных рельефом, изображающим сцены из греческих мифов, большой бронзовый поднос, на котором стояли эти чаши, и множество кра-

сивых бронзовых сосудов. В Северной Европе есть и другие, несколько более поздние находки высококачественных металлических изделий из греко-римского мира, однако ни одна из них не могла сравниться с находкой из Хобю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.